

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor
Miguel Kireeff

Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑC XXXV Buenos Aires, sábado 5 de febrero de 1983

Буэнос Айрес, суббота 5 февраля 1983

№ 1698

МЫСЛИ ВСЛУХ

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

НЕОБХОДИМЫЙ ОТВЕТ ЗИЛЬБЕРБЕРГУ

1.

Приступая к ответу, я отлично понимаю, что А. И. Солженицын (к которому обращается в своей книге Зильберберг)^{1*} не нуждается в моей защите. Повторяю: А. И. Солженицын отнюдь не уполномачивал меня выступать, а, тем более, оборонять его от зильбербергов. И все-таки я ввязываюсь в это дело, тем более, что я даже имею честь (весьма, впрочем, сомнительную) знать кое-кого из действующих лиц этой зильберберговской “бури в стакане воды”.

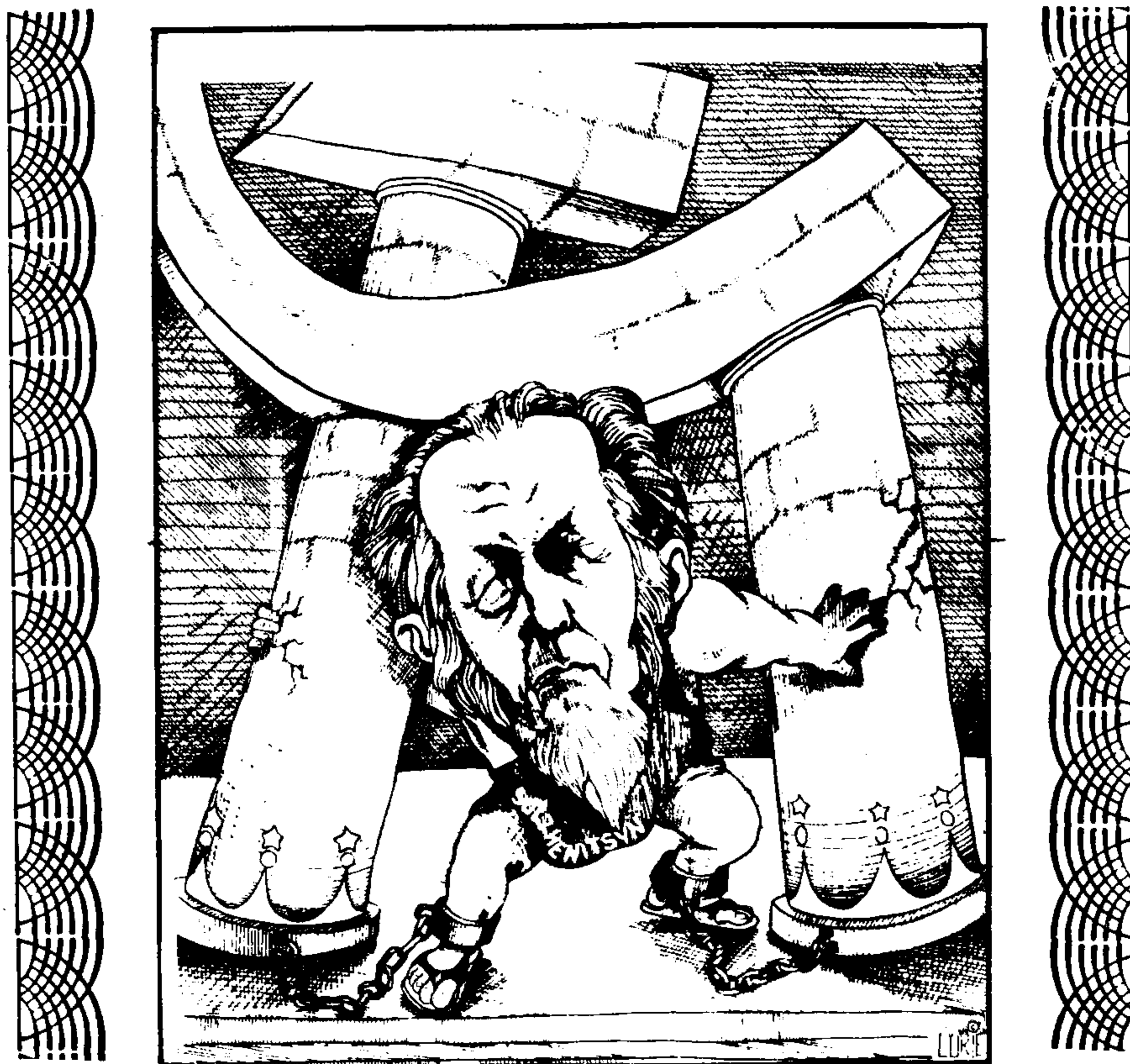
Судьба А. И. Солженицына —

встрече с писателем. Сначала повествуется о Вениамине Львовиче Теуше, знакомом Солженицына по Рязани. По словам Зильберберга, он сразу оценил талант писателя, Зильберберг же сидел у ног Теуша и поучался... Дело происходит в начале 60-х гг., после появления “Одного Дня Ивана Денисовича”. Как-то, при очередном посещении Теуша, Зильберберг застал его за чтением страничек из “старого архива” Солженицына. Это были материалы для будущего ГУЛАГ’а. Теуш, по словам Зильберберга, был не только восхищенным читателем Солженицына-писателя, но и почита-

“Новый мир”: ленинская премия очень помогла бы осажденному журналу и лично Твардовскому-редактору. Вот как говорит об этом сам писатель: “... “Раковый корпус” не попал в обещания журнала на 64 год. Зато ввязался журнал добывать для меня ленинскую премию.”^{2*} Повидимому, роль самого писателя была пассивная. Но Зильберберг говорит, что его “очень покорило... стремление получить ленинскую премию” (61). Правда, Теуш пытался втолковать ему, что “премия явилась бы победой антисталинских сил в стране и значительно укрепила бы положение автора”. Почему собственно соискание премии имени “великого человека” так озадачило Зильберберга, он не поясняет. Но он этим не удовлетворяется; он спрашивает: “стал бы сам В. Л. Теуш, да и многие другие, такой ценой укреплять собственное положение и позицию прогрессивных сил?” (67). Жаль, конечно, что ни Теуш, ни сам автор не имели никаких шансов попасть в кандидаты. Эти рыцари без страха и упрека конечно с негодованием отвергли бы такое предложение... И еще жаль, что ни тот, ни другой, не обладали таким могучим талантом, а обладал им этот никчемный и ничтожный Солженицын...

Следующий этап: Теуш и Зильберберг ведут очень секретные разговоры на скамейке во дворе. Дело происходит весной, на дворе грязь, и к их удивлению, к ним присоединяется еще один любитель весеннего воздуха: молодой человек с чемоданчиком. Предоставляю слово автору: “Молодой человек сел на соседнюю скамейку и поставил на нее свой чемоданчик, поближе к нам. Мы, не обращая на молодого человека внимания или забыв о нем, проговорили несколько часов, — все это время он неподвижно сидел на скамейке” (63). Да тут не то что в Советском Союзе, а даже на Западе сомнения закралось бы в душу собеседников. Что же это: безрассудная смелость или бездонная наивность? Последнее для коренных подсоветских жителей как будто исключается, а безрассудная смелость хороша, когда рискуешь только своей жизнью. В противном случае она переходит в беспросветную глупость и даже подлость.

Были и еще “сигналы”, но, как признается сам Зильберберг ^{2*} А. И. Солженицын, Бодался теленок с дубом, ИМКА-Пресс, Париж, 1975 стр. 81

уникальна; на нем явно почивает благодать Божья. Из безвестного зека, он стал писателем с мировым именем, лауреатом Нобелевской премии. Все к нему пришло в свое время и во всем виден Божий промысел. Все было точно согласовано где-то там наверху, в небесной канцелярии...

Но вернемся к Зильбербергу. В чем он обвиняет Солженицына?

Для этого надо немного углубиться в предысторию их отношений. Опускаю биографию автора (и даже его отца) и перехожу к

^{1*} Илья Зильберберг, “Необходимый разговор с Солженицыным”, Англия.

телем Солженицына-человека. Это он рассеял зильберберговские недоумения по поводу выступления Солженицына в Союзе писателей и выдвижение его кандидатуры на Ленинскую премию. Сам он называет себя человеком “политически отсталым”, т. е. он признается в том, что считал Ленина великим человеком. Однако, Солженицыну он ставит в вину, что его кандидатуру выдвинули на соискание этой премии (стр. 61). Но разве это сделал сам писатель? Его кандидатуру предложили редакция “Нового мира” и ЦГАЛИ (Центральный Государственный Архив Литературы). Естественно, что кандидатуру выставил

В своей речи в Японии, А. И. Солженицын еще раз предупреждает об опасности не только коммунизма, но и социализма. На самом деле, коммунизм является лишь одной из разновидностей социализма.

Социализм вообще является одним из самых гигантских явлений в истории человечества. Как сугубо отрицательное историческое явление, он существовал в той или иной форме до и после Рождества Христова, как бы объединяя собой все самое отрицательное обеих периодов истории.

Заслуга окончательной расшифровки социализма как мирового явления, в котором проявляется и развертывается инстинкт самоуничтожения человечества, несомненно принадлежит нашему крупному ученому, И. Р. Шафаревичу. Его анализ истории, причин и учения социализма можно с полным правом считать классическим и в основном окончательным.

Этот анализ появился впервые в сборнике статей “Из-под глыб”, вышедшем в самиздате в Москве, в 1974. В Москве был вбит осинный кол в труп социалистического вампира. Затем вышла книга И. Р. Шафаревича, целиком посвященная социализму как явлению мировой истории, изданная за границей. Молчание социалистов всех мастей по поводу этого труда вполне понятно: буквально нечего на это ответить. Но, не всегда совсем понятно замалчивание этого труда в кругах не-социалистических и даже официально анти-социалистических. Неужели и среди врагов социализма, есть люди тайно им укушенные? На это обстоятельство необходимо обратить сугубое внимание, ибо оно представляет собой тоже одну из тех лакмусовых бумажек, по которым (как, например, и по отношению к феверализму) можно легко и достоверно определить действительное внутреннее содержание отдельного человека или даже целого политического течения.

И. Р. Шафаревич резюмирует “основной комплекс идей” социализма, как четыре уничтожения: Равенство, уничтожение иерархии; Уничтожение частной собственности; Уничтожение религии; Уничтожение семьи. Он пишет: “Смерть человечества — это неизбежное, логическое следствие социалистической идеологии и одновременно реальная возможность, черты которой сквозят в каждом социалистическом движении и государстве”.

И. А.

"никаких выводов не сделали, мер никаких не приняли" (64). Объясняется все это очень просто: мы же не были преступниками или подпольщиками, чего же тут опасаться.

Все-таки Теуш настораживается. Тем более, что у него пренебрежительный сосед, от которого можно всего ожидать. Он даже ставит "замок с секретом". Жаль только, что на двери, а не на собственный болтливый рот. Дальше события разворачиваются так: Теуш собирается уехать летом на отдых (дело происходит в 1965 году) и решает, что "материал" (архив Солженицына) нельзя оставить безнадзорным. Его надо переправить на квартиру Зильберберга. Тут начинаются странности: во-первых, у Зильберберга квартира не отдельная. Во-вторых, он тоже уезжает с семьей на месяц. В квартире, правда, остается зильберберговская мать. Но сам же Зильберберг высказывает сомнения, что, в случае, например, пожара, его мамаша бросится спасать архив. Тогда в чем же смысл передачи архива, кстати, пока видимо без ведома его собственника? Тем не менее, архив был передан Зильбербергу; ему же были вручены и кое-какие другие материалы.

До этого состоялось почти шапочное знакомство с Солженицыным. Очень невразумительно, намеками, повествуется о том, что Теуш как-будто указал Солженицыну на Зильберберга как на "хранителя" архива (67). Прямо об этом не сказано. По зильберберговской версии выходит, что Солженицын кивнул головой. Так ли это было на самом деле? Солженицын, несомненно, своим архивом дорожил, да и какой писатель не дорожил бы? Теуша Солженицын знал и по-видимому доверял ему. А вот Зильбербергу, с которым он только что познакомился? Сомнительно, чтобы такой осторожный человек и стрелянный воробей с лагерным стажем так, мимоходом, согласился бы на передачу архива человеку малознакомому. Допустим, Теуш говорил ему о Зильберберге, аттестовал его с лучшей стороны. Логично было бы постараться познакомиться с ним поближе, узнать его.

Впоследствии, задним умом, Зильберберг догадался, что в доме, где они познакомились, была соответствующая установка для подслушивания.

Теперь следует обратиться к другому свидетелю. Это Жорес Медведев, который описал эти события с несколько другой точки зрения. Он прямо говорит: "Архив был конфискован не на квартире Теуша, а на квартире его молодого друга З., которого А. И. (Солженицын) не знал. Теуш, не спросив согласия Солженицына... передал архив А. И. на хранение З. А. И. об этом ничего не знал. Как выяснилось впоследствии, З. отнесся к архиву крайне небрежно. Он начал читать рукописи Солженицына, разговаривал о них по телефону с рядом "инакомыслящих" и даже показывал некоторым из них. Таким образом он привлек к архиву внимание КГБ".^{3*} Возможно, что версия Медведева не совсем точна; все же нельзя ее совершенно отбросить. Роль Зильберберга совсем не так безобидна, как он пытается это представить. Он, конечно, старается дискредитировать версию Медведева и очернить его самого (128).

^{3*} Жорес А. Медведев, "Десять лет после Одного Дня Ивана Денисовича", Макмиллан, 1973, стр. 61

Катастрофа разразилась после возвращения Теуша и Зильберберга: визит сотрудников КГБ, искавших (и нашедших) материалы. Что же, надо отдать справедливость Зильбербергу: его нескромность значительно облегчила работу органам.

Тут Зильберберг делает "лирическое" отступление, из которого явствует, что хотя он и был советским гражданином, но в то же время, "в силу своего характера, а, возможно, и условий жизни, которые не выработали во мне страха перед государственной машиной, мне никогда не приходилось — по крайней мере в собственных взглядах на жизнь, на происходящее в мире, стране, или на работе — приспособляться, лгать, лицемерить или хотя бы воздерживаться от откровенных суждений" (69). Ну что ж, он был, по видимому, значительно счастливее большинства своих соотечественников. Да полно, в Москве ли все это происходит? Читатель в праве протереть глаза, перелистать книгу. Да, все происходит в Москве, в 1965 году. Как странно. А мы-то думали, что там никто откровенно не высказывается и все все время принуждены изворачиваться. Ну, и счастливчик этот Зильберберг!

Но вернемся к изъятию архива. Конечно, КГБ находит все, что полагается найти у каждого уважаемого себя либерального советского интеллигента, а именно самиздат. Замечательно, однако то, что кое-что они тут же просматривают, даже с интересом читают.

Маленькое отступление. Сама собой напрашивается мысль, что если бы в России — чудом! — произошел переворот, самые интересные литературные материалы объявились бы не в архивохранилищах, а в недрах учреждения на Лубянке, если там, конечно, сохраняют изъятые материалы.

Но вернемся к обыску: был естественно обнаружен и изъят и архив Солженицына. Протокол изъятия упоминает наряду с известными, совершенно неизвестные произведения Солженицына. По сведениям Медведева, это были "сочинения писателя 1950-1956 гг., когда он находился в лагере и в ссылке".^{4*} Это подтверждается заявлением по поводу изъятия архива четвертому съезду Союза советских писателей от 16 мая 1967 г., где писатель говорит о "литературном архиве 20-ти и 25-тилетней давности..."^{5*} Неужели все это навсегда утрачено? О, незадачливые хранители архива! Понимаете ли вы, осознаете, какой урон вы нанесли русской литературе?

Итак, часть материалов из пропавшего архива нам известна, иногда под другим заглавием — заглавием самого автора. Потому что их часто переделывали в угоду, из опасений и т. д.. По поводу отрывка из "Ракового корпуса" сам автор рассказывает так: "Со своей решительностью переименовать все, приносимое в "Новый мир", Твардовский сразу определил — "Больные и врачи". Печатаем в проспекте... Я отказался. Верно найденное название книги, даже рассказ — никак не случайно, оно есть — часть души и сути, оно сроднено, и изменить название — уже значит ранить вещь. Если повесть Залыгина получает аморфное название "На Иртыше", если "Живой" Можаява (как глупо, как важно!) выворачивается в "Из жизни Федора Кузькина" — то это неисправимое повреждение. Но А. Т. (Твардовский) никогда

^{4*} Медведев, стр. 58

^{5*} "Бодался теленок с дубом", стр. 490

этого не понимал, считал это мелочью, а редакционные льстецы и медоточивые приятели даже укрепили его в том, что он замечательно переименовывает, с первого прищуря. Он давал названия понезаметней, поневыразительней, рассчитывая, что так протянет через цензуру легче — и верно, протягивал".^{6*} Вот какие заботы были у писателя помимо всего прочего и глупо требовать от него, как это делает Зильберберг, встреч, обсуждений положения и т. д..

Курьезно, что среди изъятых материалов перечислены и "Случай на станции Кречетовка", и "Для пользы дела" в "машинописных текстах". К тому времени оба эти рассказа уже появились в "Новом мире" и, следовательно, прошли цензуру.

Под номером 10 в протоколе значится "пакет из белой бумаги, размером 38 см x 24,5 см" — это и были переданные Теушем материалы. В пакете были "машинописные тексты и тексты исполненные от руки". Они включали, между прочим: Степан Хлынов (псевдоним Солженицына) "Улыбка Будды" "на 5 листах", это, конечно, 54-ая глава "В круге первом". Следующая запись: Степан Хлынов "Щ-854" — это истинное название "Одного дня Ивана Денисовича". О переименовании этого последнего автор рассказывает так: "Еще, не допуская возражений, сказал Твардовский, что с названием "Щ-854" повесть никогда не сможет быть напечатана. Не знал я их страсти к смягчающим, разводняющим переименованиям, и тоже не стал отстаивать. Переброской предположений через стол с участием Копелева сочинили совместно: "Один день Ивана Денисовича".^{7*} Убоялись, естественно, обнаружения лагерной темы уже в заглавии. А ведь это лагерный номер самого автора! О, как просто было Белинскому (и Некрасову) "проталкивать" "Бедных людей" Достоевского в мрачные времена Николаевского гнета — даже название не пришлось менять. А ведь у заглавия Достоевского мрачное звучание... (Кстати, в истории появления в печати этих двух произведений есть известные параллели).

Следующая запись протокола гласит: "А. Солженицын "Сердце под бушлатом", на 19 листах". Где оно, это неведомое нам "Сердце под бушлатом"? Неужели так и погубило навечно? Или, может быть, сохранилось чудом на Лубянке? Может быть там и существует самое полное издание произведений писателя? Дай-то Бог!

Дальше упоминается "пьеса в стихах" "Пир победителей", о которой было уже кое-что известно.^{8*} Затем "Степан Хлынов "Республика труда", это то, что мы теперь знаем под названием "Олень и шалашовка". Пьесой интересовались театры. Солженицын пишет: "В конце ноября, через десяток дней после появления повести "Один день Ивана Денисовича", в 1962 г., художественный совет Современника (театр в Москве), выслушав мою пьесу ("Олень и шалашовка", тоже уже смягченная из "Республики труда"), настойчиво просил разрешить им ставить т о т ч а с ..." Потом упоминается еще "Правая кисть" и "Не

^{6*} "Бодался теленок с дубом", стр. 80

^{7*} "Бодался теленок с дубом", стр. 31

^{8*} См. полный текст в 8-ом томе Собрания соч., ИМКА-Пресс, Вермонт-Париж, 1981, стр. 7-125. Пьеса помечена 1951 г., Экибастуз, "на общих работах, устно" и названа "комедией".

стоит село без праведника" — переименованное уже испытанным способом в "Матренин двор". Господи, до чего они боятся правды! Солженицын объясняет это так: хотя Твардовский был предан литературе, "но признать, что это и есть правда в полноте — подрывало его партийные, общественные убеждения". И дальше: "В каждого была внедрена, — а тем более в главного редактора, — другая, более важная истина — партийная".^{9*} Еще упомянута неизвестная нам "Невеселая повесть", на 60 листах, и различные записи. Неужели все это пропало безвозвратно?

Изъятие материалов привело к допросам Теуша и Зильберберга. Но, как отмечает сам Зильберберг, и следователи, и производившие обыск были вежливы и корректны. Прибавьте к этому уже известную нам храбрость Зильберберга и становаются совершенно непонятными его упреки Солженицыну. А вообще, после нескольких допросов Теуша и Зильберберга, дело было прекращено.

В чем же именно Зильберберг обвиняет Солженицына? Предоставим слово ему самому: "Самым тягостным событием той осени... было — ваше поведение" (стр.91). От Солженицына ожидали, что он явится к Теушу и все вместе "они обсудят ситуацию" (91). Солженицын, естественно, держался по-прежнему по совершенно понятным причинам. Однако Зильберберг пишет: "Мало того, что вы не пришли чтобы помочь защитить общее — в том числе и ваше! дело, чтобы оказать его защитникам моральную поддержку (к счастью мы смогли обойтись без вашей помощи и даже преодолеть вашу непомощь). Но мы узнали, что вы вообще не хотите видеть В. Л. (Теуша), даже слышать о нем не желаете". Дальше Зильберберг говорит о "позорном предательстве — и в личном, и в общественном смысле". (91). Он не допускает возможности "внутреннего оправдания" Солженицына, которое выдвигает Теуш. Кстати, приведу уж высказывания Зильберберга об "эгоцентризме" Солженицына, чем он и объясняет отказ в помощи: "Эту помощь вы рассматриваете в плане своей борьбы как удачный или неудачный ход, удар, нанести который настало или еще не наступило время" (167). Конечно, Зильберберг не допускает и мысли, что у Солженицына были другие заботы и что его положение было гораздо опаснее и теушевского и зильберберговского. За ним не стояла самая могущественная держава мира...

Выясняется, однако, что Солженицын все-таки дал незадачливым конспираторам два совета: первый — Теушу "не признаваться в авторстве статьи "о художественной миссии А. И. Солженицына" (впоследствии появившейся под псевдонимом Д. Благов в №№ 64, 65 "Граней" за 1967 г.). Естественно, Зильберберг расценивает этот совет как трусливый и неприемлемый. Второй (прямо из "Нового Завета" пишет Зильберберг) — "надо пострадать" (93). Увы, понят Солженицын не был, во всяком случае Зильбербергом: он говорил как христианин, но не христианином.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

(продолжение следует)

^{9*} "Бодался теленок с дубом" стр. 61, стр. 36.

БИБЛИОГРАФИЯ

М. Демин, "Блатной" (Нью Йорк, 1981).

Увлекательный роман этот, при всей своей автобиографичности, вписывается в долгую традицию, особенно развивавшуюся в русской литературе после революции, отраженную в книгах как "Правонарушители" Сейфулиной и даже в фильмах, от старой уже "Путевки в жизнь" до сравнительно недавних "Подранков". Отразилась она и за рубежом, в частности в неплохом романе Н. Воинова "Беспризорник" ("The Waif", Нью Йорк, 1955), несправедливо забытом; может быть, потому, что изданном только по-английски.

В мировой же литературе данная тема эксплуатировалась гораздо раньше, в том числе Джэком Лондоном (например, в эпизоде из "Маленькой хозяйки большого дома" и в ряде рассказов), влияние которого смутно ощущается у Демина. Подымаясь же выше в веках, мы упрямся в испанскую novela picaresca, и в особенности в "Назидательные новеллы" Сервантеса, как "Гинконете и Кортадильо", и отчасти "Цыганка".

Лагерные же эпизоды, составляющие значительную, но не лучшую часть книги, легко поставить в связь с обильной литературой о концлагерях. Но у автора, надо сказать, иная оптика, чем например у Солженицына. Он умышленно опускает почти целиком упоминания об эксплуатации блатными остальных узников (политических и бытовиков), да и вообще их с теми отношения. В центре его внимания, — война между блатными и суками (уголовниками, перешедшими на сторону начальства) и их внутренний, в своем замкнутом мире, быт.

Шире разворачивается талант писателя на долагерных картинах странствований молодого бродяги (спасающегося от ареста по политическим причинам и попадающего волей-неволей в среду преступных отверженцев общества) по просторам России, то на крышах поездов, то под вагонами, с романтическими краткими и обширными отступлениями, вроде ночевки в пустыне внутри развалин, оказавшихся переполненными змеями, его брака с цыганкой и вступления в табор, его попытки перейти границу и его пребывание в гнезде бендеровцев во Львове.

Сам начавши свою литературную карьеру со стихов блатного жанра, Демин с интересом и интересно рассказывает об уголовном песенном фольклоре, приводя немало образцов. Сделаем однако то замечание, что приводимая им песенка "Сколько я за жизнь свою одинокую, сколько я душ загублю" есть лишь легкая переделка совсем не блатной песни, вероятно литературного происхождения:

Много за душу твою одинокую,
Много я душ загублю;
Я ль виноват, что тебя, черноокою,
Больше, чем душу люблю!

А равно и цитируемая им в другом месте цыганская песня:

Тату морэ, тату морэ, Пантелею,
Не пора ли постыдиться от людей?

является видоизменением никитинского стихотворения:

Не пора ль, Пантелей,
Постыдиться людей?

Зато вот песня о Колыме, начало которой он дает, видимо, действительно, и новая и яркая:

Клубился над морем туман.
Вскипала волна штормовая.
Вставал впереди Магадан —
Столица Колымского края.

Сын от брака дворянки, дочери генерала, с красным комиссаром, задетым позже краем советскими чистками, бродяга и уголовник, зэк, потом писатель и член Союза Писателей, и наконец — эмигрант в Париже, Демин вел весьма бурное существование; ждуть ли его еще дальнейшие сюрпризы?

Однако, книги его еще интереснее его биографии; почему и рекомендуем их вниманию читателей. Тем более, что хотя в них много описывается темного и страшного, автор почти всегда соблюдает известную артистическую умеренность; в отличие от кое-кого из нынешних литераторов, упивающихся жаргонными словами и похабными ситуациями. Его рассказ скорее напоминает повествование естествоиспытателя или путешественника о нравах диких зверей и странных дикарей, описывая их как они есть и как он их видит.

"Bibliographie des oeuvres de Marina Tsvetaeva". (Paris, 1982), Institut d'Etudes Slaves.

Для всех, кто в серьез занимается Цветаевой, составленный Т. Гладковой библиографический справочник по ее творчеству станет отныне необходимым пособием; да и для тех, кто просто любит Цветаеву, он может часто оказаться полезен. Особенно сейчас, когда вокруг ее имени ведется ожесточенная борьба, в которой каждый лагерь старается ею завладеть, когда враги на нее клеветают, подлинно, как на мертвую, а друзья пытаются ее от ложных обвинений защитить.

Книга доступна даже для тех, кто не владеет французским языком: список произведений Цветаевой дан, понятно, по-русски; список переводов, сделанных ею, и переводов ее сочинений на другие языки тоже общепонятен.

По-французски изложено краткое хронологическое руководство к ее жизни, позволяющее разобраться, где и в какой обстановке то или другое ее стихотворение или тот или другой ее очерк написаны (вещь тоже весьма важная).

Согласно списку иностранных переводов сочинений Цветаевой, видно, что они имеются по-французски, по-немецки, по-английски, по-итальянски, по-польски, по-румынски, по-сербо-хорватски и по-чешски. Численно больше всего переводов по-польски и по-чешски; много их есть и по-румынски; а из западных языков — больше всего по-итальянски.

Удивляет отсутствие переводов на испанский, как и на португальский. Вот поприще, где бы могли с пользой потрудиться русские, хорошо владеющие этими языками. Странно выглядит и отсутствие переводов Цветаевой на скандинавские языки, а из славянских — на болгарский (может быть потому, что для болгар легко читать ее по-русски?).

Чрезвычайно интересен перечень переводов, которые Цветаева осуществила с русского на французский, — из Пушкина, Лермонтова и Маяковского, — и ее переводов с различных языков на русский; все это вещи, которые нелегко разыскать. Тут позволим себе вы-

разить сомнение по поводу предположения составительницы библиографии, будто Цветаева, в советских условиях и по необходимости, переводила иностранных поэтов при помощи готового подстрочника. С грузинского, допустим, она по всей вероятности так и делала; но с немецкого, с французского и с чешского, — зачем бы ей подстрочник? Возможно, и с английского

также.

Мелкие ошибки и опечатки не могут ни в какой степени отнимать ценность у этой добросовестной и обстоятельной работы; да они, по счастью, и редки. Укажем все же некоторые: Livigstone вместо Livingstone на стр. 347; Casanova вместо Casanova на стр. 346.

Владимир Рудинский,

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Как мы уже сообщали, министром внутренних дел СССР вместо Н. Щелокова назначен глава КГБ В. Федорчук.

Приводим дополнительные сведения. Председателем КГБ назначен В. Чебриков.

Парижская газета "Русская Мысль" пишет по этому поводу: "64-летний В. Федорчук, занимавший ранее пост председателя КГБ на Украине, стал председателем общесоюзного КГБ лишь в мае 1982 г., после перехода Ю. Андропова в ЦК КПСС.

Почти одновременно первым заместителем председателя КГБ был назначен В. Чебриков, ставший сейчас главой КГБ. По первым ступеням своей карьеры он поднялся в брежневской кузнице кадров — в Днепропетровске. В центральный аппарат КГБ ныне 59-летний В. Чебриков попал в 1967 г., одновременно с Ю. Андроповым.

В дальнейшем многое будет зависеть от роли армии и от отношений между высшим командованием и тем, что можно назвать "андроповской группой" ("Р. М." от 23.12.82).

Зарубежная Жизнь

"ЦАРЕВНА — ЛЯГУШКА" В КАРАКАСЕ

28-го ноября 1982 г. Организация Российских Юных Разведчиков в Каракасе (Венесуела) поставила русскую народную сказку: "Царевна Лягушка". Как известно, эта сказка, переработанная для театрального выступления директором Русского Театра Детей в Буэнос Айресе Г. Л. Лукиным.

Участвовали в спектакле разведчики и их родители; всего 27 человек. Была проделана колоссальная, трудная работа: ведь все артисты либо учатся, либо работают. К тому же не все участвующие живут в Каракасе; некоторым приходилось приезжать на репетиции из города Валенсии, находящегося в 200 км. от Каракаса (в частности самому режиссеру-постановщику скм. Н. Г. Лукину).

Все артисты играли с большим воодушевлением, вжились в свои роли. Очаровательна была изящная и грациозная Василиса (Сандра Максимович). Хорошо играли и дали правильные типы жены двух старших царевичей — боярышня (Аня Соса) и купеческая дочь (Лиза Жадан). Из девушек выделялась хорошенькая Маня (Светлана Пантич). Замечательной была Баба-Яга (М. Цейс), а также эффекнейший Кашей Бессмертный (Н. Лукин), произведший сильное впечатление на самых младших зрителей. Трогательный и уютный был Царь-Горох (Г. Руднев), но больше всех аплодировали каждому появлению на сцене талантливого шута (Миша Максимович). Очень стильны были царевичи: Гаврила (Богдан Пантич), Ерема (Кот Максимович) и Иванушка (М. Цейс). Нельзя не отметить очень оригинально сделанную Избушку на курьих ножках, которая танцевала (Тога Ватлей). С большим вкусом провела свою роль мамка (Н. Пантич), которая кроме того очень содействовала успеху спектакля своим художественным талантом: ею были сделаны кусты земляники, пирог, на котором был целый город с куполами и т. д..

Декорации были замечательны: и дремучий бор, и березовый лесок, могучий дуб и скала, палаты царя и покой Ивана-царевича, с русской печью и лежанкой, все было с большим вкусом выполнено художниками В. Жаданом, Б. Максимовичем, М. Цейсом и К. Жаданом. На опушке леса были разбросаны сказочные грибы и земляника. Костюмы тоже были на высоте, сшитые по образцу настоящих русских одежд: боярские с кокошниками, девичьи сарафаны, кафтаны царевичей, купеческий костюм жены среднего брата, костюмы бояр и царских стражников с алебардами, Баба-Яга, Кашей Бессмертный, кости которого в темноте светились и другие. Над созданием костюмов работала Е. Боголюбская с помощью г-жи А. Бланко. Музыкальный фон, удачно подобранный Н. Боголюбским, обратил на себя внимание всех зрителей, также как и освещение и световые эффекты, созданные Б. Максимовичем.

Русские танцы и пляски, исполненные всеми участниками спектакля, были поставлены С. Максимовичем, Е. Боголюбской и Н. Лукиным. Аккомпанировала на аккордеоне В. Дурново.

Удачен был и грим, сделанный К. Трегубовой, которая была также и помощником режиссера.

Но самая большая заслуга, в успехе этой постановки, принадлежит режиссеру скм. Н. Г. Лукину. Собрать, научить, показать, скоординировать, создать мизансцены с людьми, зачастую никогда не игравшими в театре, это поистине гигагнтский труд, достойный преклонения.

Многочисленная публика (в зале собралось около 800 человек) принимала все с энтузиазмом; во время спектакля все время раздавались аплодисменты и восторженные выкрики детей. После спектакля публика благодарила всех участников за их колоссальнейшую работу и за доставленные радость и удовольствие.

Католические монахи, которые предоставили зал своей школы, сказали, что это был лучший спектакль, который они видели и были поражены красотой русских костюмов, песен и плясок. Больше же всего их растрогало примерное сотрудничество в работе разведчиков и их родителей.

Так ОРОП ведет свою воспитательную работу. Дети знакомятся с русскими сказками, фольклором; учат роли, репетируя их текст они развивают свой русский язык и приучаются к совместной работе на благо общего дела.

Браво разведчики!

К. Т.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ОСЛОУМИЕ ИЛИ РАССЧЕТ?

В журнале "Согласие" за октябрь месяц 1982 г. в статье "Были ли в России три революции?" Е. Фест пишет: "Кто же виновен в том, что произошло в октябре? Думаю, что русские ослы".

Не в ослоумии русских злой рок России, а в материалистических стихиях мира сего, "прелюбодейного и грешного". Люди, делавшие февральскую революцию и свергнувшие Царя Николая Второго, имели для этого глубокие политико-экономические расчеты: "задолженность дворянского землевладения государству достигала чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса (около двугривенного в России тогда и около доллара

в США сейчас), то она будет равняться 12-15 миллиардам долларов. Два или три "плана Маршалла" вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело никакой возможности — оно стояло перед полным банкротством. ("Великая фальшивка февраля" И. Л. Солоневич).

"Для дворцов, яхт, вишл и прочего отстранения Государя Императора было единственным выходом из положения — точно так же, как в свое время — убийство Павла Первого". (И. Л. Солоневич "Великая фальшивка февраля" стр. 20 и стр. 21).

Великий князь Николай Николаевич, устраняя Царя Николая Второго, действовал в интересах земельной аристократии, которая увлекла ложной информацией о Царе,

как "негодном правителе" и Царице, как "немецкой приверженке" военную верхушку генералов, которые решили не губить армию при "негодном правителе". Гучков и остальная денежная аристократия хотели, конечно диктатуру Его Величества Рубля. "Диктатура совести" — русская монархия не устраивала "князей человеческих".

Движения "За Веру, Царя и Отечество" во время февральской революции не существовало, за отсутствием "князей Божиих", как называли патриарха Авраама язычники.

Народ разделился под возглавлением материалистов справа и материалистов слева.

Но "проклятый человек, надеющийся на человека и плоть делающий своею опорой"... (Иеремия 17 гл. 5 ст.).

Лидия Соломахо (США)

КТО ПРАВИТ АМЕРИКОЙ?

В номере "Спотлайт" от 27 декабря 1982 года небезызвестный полковник Арчибалд Робертс пишет, что наконец открыта самая сокровенная тайна 20-го столетия — кто является хозяином Федерального Резервного Банка (частное, конституционное предприятие, печатающее для американского государства денежные знаки; стоящее выше министерства финансов и президента). Полковник перечисляет хозяев этого учреждения:

- 1) Банки Ротшильда в Лондоне и Берлине
- 2) Израиль Мозес Сейф Банк (Италия)
- 3) Братья Лазар в Париже
- 4) Банк Варбурга в Амстердаме и Гамбурге
- 5) Банк братьев Леман в Нью Йорке
- 6) Кун и Леб — Нью Йорк
- 7) Гольдман, Сахс — Нью Йорк
- 8) Чейз Манхатан Банк Давида Рокфеллера

Приблизительно 300 человек, знающие друг друга в лицо, и их родственники, являются собственниками акций Федерального Резервного Системы. Они сосредоточили в своих руках все банки внутри страны и вовне создав мировой банковский картель. Статья полковника Робертса озаглавлена "Кто управляет страной?"

А вот и пример управления в мелком случае имевшем место в начале декабря, 1982 года в Лос Анджелесе: там разгорелся террор сионистов.

Профессор университета Джордж Ашли выразил студентам свое недоверие к приводимой цифре еврейских жертв от рук национал-социалистов. В ответ ему, в его отсутствие, разгромили дом и грозят его убить, если он не откажется от своих слов. Бандиты установлены, но их не арестовывают. Да и полиция явилась по вызову профессора Ашли только через 14 часов. Имена бандитов — Леви и Рубин. Полиция поджала хвост.

Профессор вызывает евреев для дискуссии; вместо этого они врываются в его дом, ломают мебель и пишут на стенах краской: "еврейский урок №1", "нацистская свинья", "мы тебя убьем", "мы наблюдаем за тобой каждый день", "скоро ты будешь мертв", "никогда больше"... и т. д.. На стенах, кроме того, намалеваны огромные шестиконечные звезды.

Ю. Сцепуржинский (США)

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ПЕЧАТЬ

"БЛАГОДЕТЕЛИ"

В большой статье под таким названием, в "Новом Журнале" № 147, А. Федосеев ставит себе цель разоблачить организацию финансистов-монополистов, стремящихся к созданию мирового тоталитарного государства. Влиянием их он объясняет тот факт, что Запад, вместо борьбы с коммунизмом, фактически помогает ему.

Как на двух бесспорных благодетелей человеческого рода он указывает на уже давно покойных Сесилия Родса и Альфреда Мильнера, делая о последнем такое уточнение: "Это лорд Мильнер был одним из главных финансистов большевистской революции в России". Из заложеного им тайного общества возник существующий и теперь "Институт Международных Отношений".

Отвлекаясь от текста Федосеева, заметим, что Мильнер и Родс были основными подстрекателями англо-бурской войны, которая без них вероятно не состоялась бы. Война своими жестокостями скомпрометировала Англию в глазах целого света; и, хотя одной из ее официальных задач являлось облегчение участи туземного населения, на деле только ухудшила положение негров и даже сделала немислимым его улучшение. Подробное изложение данных проблем можно найти в обстоятельной книге Томаса Пакенгэма "Бурская война" ("The Boer War", London, 1982).

"Конечная цель... сети обществ благодетелей есть ликвидация существующих независимых, суверенных государств Запада и объединение их с социалистическими государствами Востока в одно совершенное (социалистическое) мировое государство" — утверждает Федосеев; и добавляет: "Не будет преувеличением сказать, что стоит ткнуть пальцем в имя широко известного политического, финансового, промышленного, профсоюзного, журналистского, телевизионного или радио деятеля, как он окажется членом этой полуподвальной, разветвленной сети обществ благодетелей человеческого рода, пропагандирующих и действующих во имя социалистической идеи Мирового Порядка и мирового Политбюро".

Картина, рисуемая автором, вряд ли можно сомневаться, во многом верна. Но способы борьбы, им предлагаемые, представляются, увы, совершенно химерическими... Кроме того, кидается в глаза, что у Федосеева есть некий пунктик, дойдя до которого он начинает заговариваться. Это — его обожание Швейцарии, заведя речь про которую он неистовым в хвалах и благословениях; весь мир (а уж особенно Россию!) он бы желал перестроить на ее образец. Забывая о том, что он же сам в одном месте своей статьи резонно констатирует: то, что хорошо одним, может совсем не годиться другим...

В. Р.

Волею Божией 17-го января 1983 года в провинции Буэнос Айрес скончалась

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА МАКОТЧЕНКО

о чем с глубокой печалью сообщает семья покойной.

Редакция "Нашей Страны" выражает свое неподдельное соболезнование Александру Константиновичу

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПОЛИВАТЬ ЛИМОНАДОМ?

В № 1693 "Нашей Страны", Д. Иноземов дает предписания, что и как я должен писать, повелительные, но недостаточно ясные. Нельзя вообще судить об эмигрантской печати? Если сие запрещение будет сформулировано для всех сотрудников газеты, готов подписаться. Хотя сам Иноземов отмечает, что людям все газеты и журналы читать трудно, а хочется быть в курсе дела. Или надо в этой прессе все сплошь хвалить? Выйдет именно клуб взаимного обожания, каковой так едко высмеивал И. Л. Солоневич. Ну, этим я заранее отказываюсь заниматься... На сей счет верно говорил М. Сергеев в "Русской Мысли", что журналисты поливают друг друга сладким лимонадом. А публике это всегда противно: она хочет правды, а не фальшивок. По Иноземову, — даже и порчу языка нельзя критиковать! Легко понять, куда мы этак зайдем...

Прошу моего почтенного оппонента учесть: когда я разбираю "Русскую Мысль", то неизменно ее обильно цитирую. Не предоставит ли читателям решать, нравятся им или нет данная "Мысль" и высказываемые в ней мысли? Вот если бы он меня поймал на искажении цитат... да это вряд ли. Пусть, однако, ему кажется, что я недобросовестно истолковываю патриотические и благонамеренные статьи парижской газеты. Так и тут он примеров не приводит...

Впрочем, для последовательности, Д. Иноземов должен бы "Русскую Мысль" защищать и... от нее самой! Статья А. Лишке, поносившая память имп. Николая Второго, вызвала массу протестов; часть их была редакцией опубликована. Как и дельное письмо В. Зарубина, указывавшего, что газета оскорбляет русских патриотов и становится не русской, а только русскоязычной. Кампания в ней против Пушкина вызвала протесты "Голоса Зарубежья", "Вестника Р. С. Х. Д.", "Нового Журнала" и "Нашей Страны". Неужели они были целиком неправы?! По поводу похвал генсеку итальянской компартии протестовала именно "Наша Страна", в редакционной заметке. Надо ли от того отречься? Насчет оскорбления "Русской Мысли" памяти Краснова и Власова, каюсь, писал в "Нашей Стране" я. Но много ли найдется казачков и власовцев, которые со мною несогласны?

Не знаю, выражает ли Иноземов свою личную любовь к "Русской Мысли". Боюсь, что это была и будет любовь без взаимности. Я ее, во всяком случае, не разделяю.

О крайне низком по качеству уровне "Русской Мысли" вполне обоснованно писали недавно слева Эткинд, Любарский и Синявский. Отвергая их политические взгляды, в данном пункте нельзя не признать их правоты.

Пугает общий тезис Д. Иноземова. Эмиграции нужны хорошие газеты. Плохие же, безграмотные и невежественные, а политически ложно направленные, — никому полезны быть не могут. И по ту и по эту сторону рубежа они способны делать только вред.

Владимир Рудинский